

НАИМЕНЕЕ СОВМЕСТНОЕ СОВМЕСТНОЕ

Жан-Люк Нанси

1.

Нет ничего более совместного, чем совместное. Эта банальность, на самом деле, головокружительна: совместное является настолько совместным, что мы не видим его, не говорим о нём. Мы несколько опасаемся его, то ли ввиду того что оно совместное-вульгарное, то ли потому что оно совместное-коммунитаристское. Оно рискует быть недооценённым или подавленным. Или и тем, и другим.

Тем не менее очевидно, что совместное – это совместное, наш общий удел быть сообща. Но всё происходит так, как если бы разные культуры – политики, нравы, антропологии – беспрестанно колебались между господствующим и всеохватывающим Совместным – клан, племя, община, семья, род, группа, сословие, класс, деревня, ассоциация... – и банальным совместным, *profanum vulgus* (не святым...) или *vulgum pecus* (стадным...) – народ, люди, толпа, всякий (уморительный «Месьё Тульмонд¹»). Или целое, которое охватывает часть, или смирение с заурядностью положения.

В замысле коммунизма большая часть Европы увидела вдобавок ещё две вещи: одновременно и принудительную Коллективность, и нивелирующую посредственность. Фактически, коммунизм, который можно назвать «реальным», совместил в себе выравнивание социальных положений с засылем власти, выступавшей в качестве власти коллективной. Форма равенства – ограниченная, неинтересная, однако действенная – в сочетании с грубым государственным регулированием: указанные факторы позволяли выводить из этого состояния управленцев и военный и технический аппарат. В результате возникло разобщённое общество, о котором можно сказать, что его основанием (не считая захвата власти и присвоения богатств, что тем или иным образом представлено в любых обществах) явилось наложение гипертрофии Государства на условия человеческого существования, решительно ограниченные механическим самообеспечением – вплоть до воспроизведения рода, на время сведённого к населению социалистической советской империи.

Этот «реальный» коммунизм, настолько лишивший реальности отношения людей между собой и с миром (не забываясь о том, что скрыто, но интенсивно всё ещё существуют отказ, протест, бунтующий человек), неслучайно объединил две основные характеристики совместного: Целое и Низ-

¹ От франц. *Toutlemonde, tout le monde* – всякий. – Прим. перев.

менное (*le Tout et le Bas*). Он объединил то, что оставалось от утраченного совместного.

Существовали всевозможные коммуны. Здесь следует сослаться на Маркса и на его анализ различных форм общности, которые предшествовали современному миру, но не только на него: способы совместного существования – это как раз то, что характеризует все цивилизации, которые предшествуют той, где *социальное (le social)* заменило *совместное (le commun)*.

«Общество» (*la société*) – это ассоциация, то есть композиция, сочетание различных элементов (индивиды, интересы, силы). «Коммуна» (*la commune*) (я буду избегать названия «община» (*la communauté*), которое обычно связывают с духовной или естественной общностью) – это то, что не предполагает внешнее по отношению к индивидам, интересам и силам: она не отрицает их, она их интегрирует *a priori*. В себе самой она располагает средствами для регулирования воздействий, и эти средства суть первичное утверждение совместных принадлежности и происхождения. Скажем для краткости, что коммуне в этом смысле требуется тотем, *свой* тотем (можно понимать его как свой миф, признание себя, осознание своего существования и своей безопасности).

2.

Мы не будем рассуждать ни о фантазматической природе тотема, ни о его угнетающих или принуждающих функциях. Мы не можем об этом говорить, поскольку слишком далеки от этого. То, что я понимаю под словом «тотем», тотемная коммуна, – это лишь то, с чем у нас нет ничего общего, у нас, более поздних выходцев из цивилизации, которая отныне моделирует человечество.

То, что мы называем «совместным», представляется нам теперь двояким образом: с одной стороны, возможность коммуны, с другой – принуждение к совместной участи. Мы представляем себе, что коммуна, какой она была прежде, неким образом брала на себя ответственность за совместную участь, не оставляя при этом любого своего члена в озадачивающей растерянности перед изолированным, сложным, конфликтным и лишённым смысла существованием. Это всего лишь представление, мы ничего не знаем и не можем знать многого о том, что переживали или переживают индивиды в коммуне – несмотря на то что невозможно отрицать, что они *всё равно* являются индивидами, во всяком случае единичными существами, единичность которых не была целиком растворена в покорности тотему.

Но таково наше представление, поскольку со своей стороны мы разве что и умеем, так это *объединиться*: мы устанавливаем «связь», «отношение», «общественный договор», «город», «государство», «общее благо»; все эти понятия или сущности предполагают встречу, собрание, соглашение, дискуссию и участие. Аристотель говорил, что человек – это «животное политическое»,

поскольку он рассуждает о справедливом и несправедливом: изначальная посылка состояла в том, что каждое живое существо приходит к необходимости дискуссии и практикам обмена, чтобы лучше оценить, что может считаться «хорошей жизнью» для всех и для каждого. Но формула «для всех и каждого» скрывает в себе ту же проблему, на решение которой она претендует. Потому что когда мы исходим из каждого, мы приходим к целому только как некоторому более или менее разобщённому виду.

Отсюда у Аристотеля понятие совместного, *koïnônia*, играет настолько важную роль, что «коммунитаристы» смогли на него сослаться. Но я не собираюсь вдаваться в подробное изучение Аристотеля, я лишь отмечу, что уже у Аристотеля совместное ведёт своё происхождение от каждого, возникает из коммуникации – посредством *logos'a* – между каждыми. Именно в этом Аристотель существенно отличался от Платона. Последний, напротив, пытался воссоздать – буквально из ничего – совместное, которое существовало бы до *logikoi* живых существ и составляло для них не *logos* коммуникации, а *Logos* той архитектуры, в которой все могли бы жить. В итоге Платон избрёл субститут тотема.

Сегодня мы уже знаем, что не существует субститута тотема, разве что нечто устрашающее, к тому же наделённое *logos'om*; с другой стороны, коммуникации *logikoi* недостаточно, чтобы создать нечто иное, чем общество, – к тому же, когда социальная «связь» не слишком ослаблена. То, что её ослабляет, это не-связь или связь в форме стечения сложных обстоятельств из отношения, которое основывается на всеобщей эквивалентности и деньгах как совместном *logos'e*. Это эквивалентность того, что Маркс называет товаром, но эквивалентными могут быть также субъекты всеобщей коммуникации, которая, как правило, сопровождает обмен рыночными стоимостями: символическое приводит, как сегодня говорят, к «виртуальному» означиванию, на чём всегда основывалось понятие денег. Или, можно ещё сказать, символическое, которое является лишь символом символического, а именно его аллегорией: денежный обмен, представляющий ценность для обмена в качестве средства распределения/разделения (*partage*). Человечество, трактуемое как «человеческие ресурсы».

3.

Вот каким образом, с одной стороны, совместное является нам как место сочленения Целого и Низменного, но, с другой стороны, коммунистический замысел всё ещё не может приобрести отчётливой формы. Целое, в конце концов, не находится нигде, кроме как в циркуляции, в коллективной коммуникации, которая стремится соединять лишь монетизируемое, тогда как остальное, то есть существование людей, может показаться избитой банальностью. Мы даже знаем, что деньги никого не делают счастливым. Но это не мешает богатым обогащаться, даже если им приходится

мучиться и умирать так же, как и всем остальным (и кто знает, *как* они отчаиваются...).

Но всё это ещё и изобличает ловушку: «счастливый» – это категория, которой в коммунах, без сомнения, не пользуются. Это категория скорее рыночная, поскольку в счастье есть нечто, что может покупаться. Но это, в любом случае, не радость, не восторг или восхищение, не необузданность или энтузиазм, не страсть или блаженство. Это, быть может, даже не удовольствие – по крайней мере, не то удовольствие, нервом которого является желание.

Нельзя сказать, что реальный коммунизм не обеспечивал некоего благополучия – было определённое согласие, комфорт, ограниченный достаток, скудно размеренный, но установленный, несмотря ни на что, точно в соответствии с замыслом «достаточности». Скромное благополучие может выступать в роли допустимого счастья, пока условия человеческого существования остаются такими, какими они являются сегодня. Видел ли кто-нибудь воочию рыночную эквивалентность, которой никогда ничего не достаточно, или эквивалентность достатка, притупляющую желание.

Коммунистический замысел со времени своего возникновения (а возник он, когда совместное начало осознавать себя расколотым или даже недействительным) – это замысел того, что не являлось бы ни Целым, ни Низменным, ни коллективным, ни социальным, ни эквивалентным, ни достаточным, но что давало бы нам всю полноту возможности быть вместе, поскольку *мы так и существуем*. И поскольку совместное не только нам дано, но *само является даром (le don) экзистенции*, и ничто, никакое существующее, не дано без него. Но «оно» для нас ничем не является: ни тотемом, ни коллективом, ни обменом, ни коммуникацией.

Становясь ничем, становясь всё более и более неузнаваемым, лишённым тотема и достоинства, вульгаризированным и подчинённым, совместное потребовало того, что ему причитается. Того, что назвало себя «коммунизмом». Чтобы оно было вовлечено в дело, где модернизация, насколько же политическая, как техническая и экономическая, понимается как пространство выравнивания всех целей совместного и не-совместного существования, сведённых к имманентной целесообразности машины чистого господства (в советской версии или версии национал-социалистической); в то же время это ужасающая историческая катастрофа и также, несомненно, урок: коммунизм не мог и не должен быть представлен в форме института, правительства, доктрины. Он даже не должен был связываться с философией. Он был политикой, экономикой и философией только потому, что основывался на полном недоразумении. Он был вызовом, броском, толчком, но не представлял собой какой бы то ни было конструкции. Институты, которые ссылались на этот замысел, лишь усиливали растяжение совместного между Целым и Низменным, между коллективом как мнимым тотемом господства и равенством как выравниванием в соответствии с определённой нормой.

4.

Тем временем демократизация и социализация в индустриальных обществах, в которых – к разочарованию Маркса – не происходила коммунистическая революция, приводили к формированию того, что часто называют средним классом и что воплощает тенденцию гомогенизации общества, в котором большинство не принимает во внимание ни нищету, и тем самым её лишь усугубляет, ни захват богатств определёнными силами. Слишком мало, достаточно, слишком много – денег, знания, власти, права, здоровья – достаточно, как раз достаточно, довольно... Но мы даже не знаем, на какую меру следует полагаться, если не на нечто среднее между нищетой и богатством. Совместное как усреднённая тотальность. Самая приемлемая цена совместного.

Но в бытии сообща нет ничего нового. Разве что мы узнали, что коммунистический замысел содержал в себе всё ту же истину быть вместе против всех форм господства, индивидуализации, социализации. Он содержал это «сообща» или «вместе» как условие одновременно онтологического и практического, неслыханное для мира, смутно воспринимающего себя как потерю всего совместного.

Возможно, что все исчезнувшие коммуны были тем Целым, которое несло в себе угнетение. Также возможно, что ничто из совместного не может существовать без того, чтобы ему не угрожала банализация. И совместному так никогда не удастся обрести узнаваемый облик. Но, по крайней мере, коммунистический замысел (и все роли, которые в нём исполнялись, как отталкивающие, так и благородные) был, вероятно, привнесён этим «вместе» (*сyt, cot*), определяющим наше существование – язык, желание, мир – до и после всякой безучастности какого бы то ни было «индивида». Не те ли это индивиды, которые наиболее сообща совместны? Этот вопрос следует понимать с учётом как положительного, так и негативного смысла слова «совместное».

Коммунистический замысел (может ли он или должен сохранять своё название) означает наименее совместное из совместного, своё исключение, свою неожиданность. Не тотальность, не усреднённость, но то, что заставляет, например, меня писать всем, каждому и каждой, не зная точно, насколько мало *мы* разделяем этот замысел. *Мы*.

Февраль, 2010

Перевод с французского *Лины Медведевой*
под редакцией *Стефании Калиновской*